

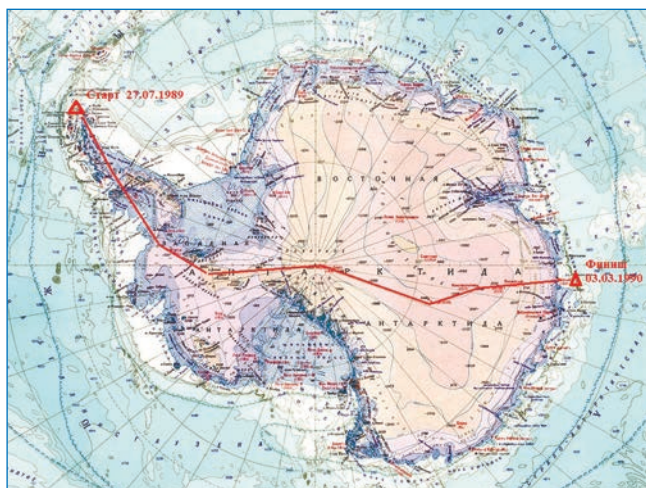
К 35-ЛЕТИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «ТРАНСАНТАРКТИКА»

Международная экспедиция «Трансантарктика» — первое и, наверное, единственное пересечение Антарктиды на лыжах и собачьих упряжках по наиболее протяженному маршруту — стартовала 27 июля 1989 года в самой северной точке шельфового ледника Ларсена, протянувшегося вдоль всего восточного побережья Антарктического полуострова, 11 декабря прошла через Южный полюс, 18 января 1990 года успешно миновала Полюс холода — станцию Восток и финишировала через 221 день, 3 марта 1990 года в районе советской полярной обсерватории Мирный. В экспедиции приняли участие 6 человек — представителей шести государств: Англии (Джеф Сомерс), Китая (Чин Дахо), США (Уилл Стигер), СССР (Виктор Ильич Боярский), Франции (Жан Луи Этьенн), Японии (Кейзо Фунатсу) — и 42 собаки, представлявшие воистину разношерстное сообщество, объединенное указанным в графе «Национальность» в их паспортах лаконичным и в то же время емким словосочетанием «Гражданин мира».

Готовясь к этой экспедиции и готовя ее в течение без малого трех лет, мы, ее участники, вполне отчетливо представляли себе, что она может стать действительно первой экспедицией такого масштаба в истории исследования и освоения Антарктиды, несмотря на то что эта история насчитывала почти 170 лет. Вплоть до начала XX века, то есть в течение 80 лет после открытия Антарктиды в 1820 году Первой русской Южнополярной экспедицией под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, нога человека не ступала на антарктический лед. Перед исследователями того времени Уэдделлом, Уилксом, Россом стояли иные задачи — собственно доказательство существования антарктического материка и нанесение на карты его береговой линии. Несмотря на то, что каждая из этих экспедиций требовала от участников максимальной самоотдачи и недюжинного мужества, «героическим периодом» в истории исследований Антарктиды принято считать первую четверть XX века. Именно в течение этого периода норвежец К. Борхгревинк стал первым человеком, проведшим зимовку в Антарктиде. Предпринимаются попытки достижения Южного полюса, наиболее удачной из них становится экспедиция Э. Шеклтона в 1909 году, достигшая широты 88 градусов 23 минуты и вынужденная из-за нехватки продовольствия повернуть обратно, когда до цели оставалось только 180 км. И если эти попытки в конце концов 14 декабря 1911 года увенчались триумфом экспедиции Р. Амундсена, первой в истории достигшей Южного полюса, и трагедией экспедиции Р. Скотта, пришедшей к полюсу спустя 33 дня и трагически погибшей на обратном пути в нескольких

десятках километров от склада продовольствия, то попытки пересечения Антарктиды даже по наиболее короткому маршруту между побережьями моря Уэдделла и моря Росса не увенчались успехом. Более того, ни одной из них — ни экспедиции В. Фильхнера в 1911 году, ни экспедиции Э. Шеклтона в 1914 году — даже не удалось высадиться на берег из-за тяжелых ледовых условий в море Уэдделла. Важно отметить, что в большинстве экспедиций этого периода в качестве средств передвижения по ледникам Антарктиды использовались ездовые собаки. Именно этот фактор сыграл решающую роль в успехе Р. Амундсена, и именно отказ от собак стал фатальным для экспедиции Р. Скотта. И В. Фильхнер, и Э. Шеклтон также планировали использовать собак для перехода через Антарктиду.

Исторически первым пересечением Антарктиды по этому маршруту стала англо-новозеландская экспедиция под руководством первого покорителя Эвереста Э. Хиллари и английского полярника Р. Фукса в 1957–1958 годах. В ней использовались ездовые собаки, но только в роли... разведчиков трещин! Сами путешественники двигались на гусеничных тягачах. Поэтому мы с полным основанием могли в случае успеха претендовать на первенство в этом вопросе, тем более что мы намеревались пересечь Антарктиду по наиболее протяженному маршруту и без использования меха-

Маршрут экспедиции

нических средств для передвижения. Но нам не приходило и никак не могло в то время прийти в голову, что она станет последней экспедицией такого рода в Антарктиде, причем в силу как объективных, так и субъективных причин, обусловленных событиями, произошедшими на этом континенте и вокруг него в последние 30 лет. Субъективной причиной стало решение о запрете ввоза и использования в Антарктиде «неэндемичных видов фауны», к которым, безусловно, относятся ездовые и все прочие собаки. Решение принял в начале 1990-х годов Комитет по охране окружающей среды, образованный в системе Международного Договора об Антарктике — замечательного документа, подписанного 12 странами в 1959 году и на долгие годы определившего статус Антарктиды как континента мира и научного сотрудничества. Примечательно, что и наша экспедиция была посвящена 30-летию этого Договора и, к счастью для нас и, возможно, и наших собак, завершилась до вступления в силу упомянутого документа. Решение это, с моей точки зрения, весьма спорное, хотя его и можно было бы считать правомерным при условии исключения из запретного списка ездовых собак, которые продолжали весьма эффективно использоваться, особенно Британской Антарктической

службой, в качестве наиболее надежного и экологичного вида транспорта, обслуживавшего многочисленные полевые отряды во время сезонных геологических и геофизических исследований.

Справедливости ради надо отметить, что наша экспедиция стала последней экспедицией такого масштаба с использованием собачьих упряжек в Антарктиде. После нас в 1992–1993 годах состоялись две экспедиции на собачьих упряжках с участием легендарного американского полярника Нормана Вогана, который в 85-летнем возрасте решил покорить вершину в горах Элсуэрт. Таким образом, в Антарктиде не осталось ни одной собаки, а наша экспедиция стала второй после экспедиции Амундсена и последней, которая достигла Южного полюса на собачьих упряжках!

Что касается объективных причин, то они обусловлены климатическими изменениями и связанным с ними ускорившимся процессом деградации ледников. Особенно этот процесс проявляется в Западной Антарктиде в течение последних 20 лет. В результате потепления гигантский шельфовый ледник Ларсена, по которому пролегла начальная часть маршрута нашей экспедиции, фактически перестал существовать. От него с интервалом в несколько лет откололись два гигантских, площадью несколько сотен квадратных километров, айсберга, и теперь на его месте дрейфующие льды и открытая вода моря Уэдделла. Так что и с собаками, и без них в точности наш маршрут уже не повторить, и это обстоятельство вызывает скорее грусть, чем гордость.

Это было рискованное путешествие. При всей нашей подготовке и опыте (нам всем в то время было под 40 лет, и у всех за плечами были полярные экспедиции) всегда могло что-то пойти не так. Поэтому я много размышлял, переживал и сомневался. Это нормально для любого человека — всем есть что терять. Внешне мы все старались сохранять спокойствие, но что творилось в душе у каждого — загадка. При этом страха особо не было. Страх и переживание — разные вещи. Тем более до этого я уже четыре раза был в Антарктиде, даже зимовал там. Я знал, какие в белой стране морозы и ветра. Поэтому морально я был готов ко всему. В том числе к тому, что экспедиция продлится долго. Кроме того, до нашей непростой экспедиции мы совершили переход через Гренландию, которая во многом сходна с Антарктидой.

Самое главное в длительных экспедициях — терпение и определенный жизненный опыт. И это не обязательно опыт полярных походов. Это обычный бытовой, коммуникационный опыт, навыки общения с незнакомыми людьми. Если возникает какая-то нестандартная ситуация, то, имея такой опыт, ты быстрее и правильнее

ее «разрулишь». И этот опыт даже ценнее профессиональных навыков: в экстремальных условиях, к коим относится Антарктида, опыт человеческого общения в команде важнее того, как ты ходишь на лыжах. Хотя, бесспорно, чем лучше ты подготовлен физически, тем проще тебе в экспедиции. Я, например, в повседневной жизни привык к купанию в холодной воде и разным пробежкам. И это, конечно, здорово помогло мне в Антарктиде. Но в принципе всю физическую работу я бы отнес к средней тяжести: груз у нас тащили собаки, а мы шли на лыжах, что не так уж и сложно. У нас вообще был участник, который раньше и на лыжах-то не стоял. Ничего, через месяц побежал, как все. Самая большая проблема в таких экспедициях — это холод. Постоянный, повсеместный. А к физическим нагрузкам привыкаешь.

Важнее ментальная и психологическая подготовка к экспедиции. Когда ты в экстремальных условиях, ты должен четко понимать, зачем ты здесь, и не задавать себе лишних вопросов. И вот морально наша команда была прекрасно подготовлена — у нас была высокая степень мобилизации внутренних ресурсов, чтобы пережить сложную ситуацию. Хотя были такие моменты, когда все шло не так: то собаки отказывались идти дальше, то погода была нечеловеческой, то еще что-нибудь случалось. У нас возникали мысли сократить путь в два раза. Но тогда бы мы не прошли самым длинным путем, которым изначально планировали пройти. Поэтому сообща было принято решение идти до конца.

А вообще, когда меня спрашивали, как я готовлюсь к экспедициям, я всегда в шутку отвечал: «Жизнь в Советском Союзе — это лучшая тренировка. Вот она закаляет». Мы действительно быстрее других находим выход из нестандартных ситуаций, придумываем нетривиальные решения, и нам действительно надо меньше времени на раздумья.

Когда идешь в такого рода экспедиции, выполнить полноценные научные программы просто невозможно. В Антарктиде каждый день одна наука — выживание. Тем более с собой и приборы-то приличные взять невозможно. Поэтому нельзя говорить о том, что научные исследования были главной целью экспедиции. На примере этой экспедиции мы хотели показать, как люди из разных стран (США, Франция, СССР, Великобритания, Китай и Япония) даже в суровых условиях вполне могут жить и работать в согласии. Не зря наш поход был приурочен к юбилею Договора об Антарктике, который определяет, что Антарктида — континент мира.

Помимо этого была, конечно, и чисто спортивная цель — мы заявили свою экспедицию как первое в истории пересечение Антарктиды по наиболее про-

Вся команда в сборе. Миннесота

Короткий привал

тяжелому маршруту без использования механических средств. Именно собаки были главными героями нашей экспедиции. Поэтому за каждую из собак мы переживали, как за самих себя. И спасали их из самых разных ситуаций. Например, во время ЧП на леднике Ларсена три собаки в одной из упряжек провалились в трещину и повисли на веревках. Слава богу, нам удалось их вытащить. Предательские трещины во льдах сопровождали нас на протяжении всей экспедиции, и только чудом ни одна из собак в них не погибла. Собакам приходилось так же тяжело, как и нам. Они покрывались тяжелыми снежными панцирями, от которых освобождались вместе с шерстью, их израненные лапы оставляли на снегу кровавые следы, и много раз после пурги мы выкапывали их из-под снега, боясь не застать в живых...

Значительную часть пути я шел первым, прокладывая маршрут для других. При встречном ветре на усах и бороде у меня образовывалась настолько крепкая ледяная корка, что зачастую просто открыть рот было для меня подвигом. Ледяные сосульки с усов я обкусывал или, как в Гренландии, размачивал в чае из термоса. Однажды я сбрил бороду, но понял, что совершил ужасную ошибку: несмотря на все эти ледяные неудобства, она защищала меня от обморожения.

Кстати, сбрить бороду в палатке в Антарктиде — то еще приключение. При свете свечи и отсутствии зеркала одному сделать это никак не представлялось возможным. Поэтому избавиться от густой растительности на лице в импровизированном салоне красоты (температура в котором была около минус 20, потому что оператор (он был с нами в начале пути) снимал все через открытую дверь) мне помог американец Уилл... В благоприятную погоду настроение было на высоте, что позволяло наслаждаться процессом: идешь себе на лыжах, солнце светит, и на душе как-то уютно. Да и собаки в солнечную морозную погоду не чувствуют, что им тяжело, — радуются, быстро бегут. А если дул сумасшедший ветер, было пасмурно и мрачно — то, конечно, хотелось, чтобы все это быстрее закончилось. Пейзажи вокруг тоже не баловали разнообразием — постоянные снежные барханы и голубые льды немного угнетающе действовали на психику, а летняя температура в 35 градусов мороза не добавляла позитива. Тем не менее на финише вспоминаются только хорошие моменты. И появляется какое-то опустошение, грусть, ведь еще один сложный, но интересный этап твоей жизни остался позади. Пик эмоционального подъема происходит за день-два до финиша. Сам финиш — это перегорание. А собаки вообще не понимали после финиша, почему они никуда не идут. У них ведь основной инстинкт — тянуть за собой, бежать.

Снег шел и шел, он был повсюду приправою к любому блюду...

Что касается монотонности экспедиции и наличия одних и тех же лиц рядом, то у нас было все очень грамотно организовано в этом плане. В палатках мы жили по два человека, меняясь каждые полтора-два месяца. У нас не было такого, чтобы все семь месяцев мы были в тесном кругу и постоянно друг на друга смотрели. Это на подводной лодке замкнутое пространство, а в Антарктиде — простор. Каждый идет со своими санями и думает о своем. Все вместе мы собирались, когда праздновали дни рождения или обсуждали какие-то моменты. Так что надоесть друг другу мы не успевали. Тем более у нас были собаки. Какими бы уставшими они ни были, они всегда радовались нам, понимая нас с полуслова и полужеста. И это давало большую разрядку. Подошел, погладил собаку, пообщался с ней — и стресса как не бывало. Сложнее было занять свою голову, когда идешь по 9 часов в день. Мне помогало то, что я шел впереди, нужно было держать направление, не удаляться от своих и смотреть за трещинами. А еще я сочинял стихи. Кто-то из наших ребят вспоминал счастливые моменты жизни и потом ими делился, кто-то строил планы на будущее. Но сильно в свои мысли уходить было нельзя — под ноги нужно было смотреть всем.

Напряжение и усталость, конечно, тоже были. Один раз это сопровождалось даже слезами. На то время мы жили в палатке с американцем Уиллом Стигером. На его беду, он очень чутко спал: его будили не только мой храп, но и лай собак по ночам. В один из вечеров он должен был готовить ужин в палатке, а я занимался собаками. Прихожу, в палатке холодно, никого нет, а Стигер устанавливает рядом свою палатку — плачет, говорит, что ему надо выспаться. Накопилось. Но больше такого не повторялось.

Не Антарктида, а работа в международной команде и общение с такими разными людьми подарили мне опыт, о котором я мечтал. Я стал лучше понимать других. Мне кажется, у меня даже характер улучшился. И вообще я чувствовал себя героем книг Джека Лондона.

По возвращении из экспедиции мы были приняты президентами Франции и США — в Елисейском дворце Франсуа Миттераном и в Белом доме Джорджем Бушем-старшим. В Советском Союзе меня встречали только мои родные и друзья.

У нас и сегодня замечательные теплые отношения со всеми участниками экспедиции. После антарктического похода один раз мы встречались в Америке, второй — в Японии. Столько лет прошло, а до сих пор дружим.

*Участник экспедиции «Трансантарктика»
В.И. Боярский (Полярная комиссия СПб РГО)*

Долгожданный финиш. 220 дней и 6500 км позади...

